«ПРУЖИНА МОРАЛИ»

Имя австрийского драматурга и прозаика **Эдена фон Хорвата** лишь по какому-то недоразумению почти неизвестно в нашей стране. Германоязычные и — шире — европейские зрители и читатели не просто хорошо знают и почитают Хорвата, но ставят его творчество рядом с драматургией **Бертольта Брехта**. В предисловии к вышедшему на русском языке в 1980 году томику пьес Хорвата глубокий и скрупулезный исследователь и переводчик **Юрий Архипов** написал, что «Брехт и Хорват примерно такая же неразлучная пара, как Маяковский и Есенин в массовом читательском сознании у нас». И привел в качестве одного из примеров вышедшую немного раньше книгу литературоведа и театроведа **Штрелки** «**Брехт, Хорват, Дюрренматт**». Что же касается немецких и австрийских драматургов, начинавших примерно в начале 80-х годов (среди них особенно хорошо известен в России **Петер Хандке**), они и вовсе отдавали предпочтение Хорвату перед Брехтом.

Пьеса «**Сказки Венского леса**» написана в 1931 году и сразу же получила огромную популярность — накануне фашистского переворота она обошла многие сцены Германии, а потом в числе многих «вредных» для нового режима книг была сожжена в Мюнхене.

Прочитав сборник пьес почти сразу по его выходе, я была очарована простотой обрисовки многоликой мещанской среды, богатством характеров, органичным сочетанием сатирических, гротесковых, лирических мотивов, перетекавших из одного в другой так естественно и ведущих через трагедию к весьма относительному хэппиэнду, когда все возвращалось на круги своя, а персонажи становились при этом еще более жалкими и несчастными.

В самом начале 80-х годов мне довелось увидеть спектакль «Сказки Венского леса», поставленный в **Пярнуском драматическом театре** талантливым режиссером, учеником Анатолия Васильевича Эфроса, **Инго Норметом**, и по сей день остро помнится эмоциональное ощущение от этой мещанской мелодрамы, в которой героиня, Марианна,

Мать — А. Ровенских, Бабушка — М. Полянская, Альфред — В. Ковалев

Оскар — А. Сергеев, Марианна — А. Дьячук

решила взбунтоваться против заранее распланированной для нее отцом, владельцем магазина игрушек, жизни, брака с постылым владельцем мясной лавки Оскаром и в день помолвки убежать с обольстителем Альфредом в неведомую жизнь — без денег, без какого бы то ни было занятия (отец готовил ее только к выгодному браку, не дав учиться ничему), с рождением ребенка и его смертью в младенчестве. Изгнанная отцом из дома, чтобы хоть как-то прожить, Марианна поступает на работу в венский ресторан «Максим», где поет и танцует, постепенно раздеваясь и, ложно обвиненная в краже неким Мистером, венцем, давно живущим в Америке и приехавшим в родной город поностальгировать, попадает в тюрьму. И после этого все так или иначе возвращается на круги своя — Оскар готов простить и принять ее как свою невесту, втайне радуясь тому, что ребенок умер, Альфред, сговорившись с бывшим женихом Марианны, возвращается под крылышко владелицы табачного магазина, 50-летней Валерии, и начинается новый старый и неизменяемый круг мещанского существования, в который Марианна вступает как сломанная кукла из магазина своего отца. Скорее всего, наступает это существование ненадолго, потому что на пороге стремительно рвущиеся к власти нацисты...

По словам известного австрийского эссеиста Альфреда Польгара, персонажи пьес Хорвата — фигуры, из которых «вынута пружина морали», и как бы ни были привлекательны женские образы большинства его пьес, и у них она если не вынута совсем, то заметно искорежена.

Молодой режиссер **Никита Кобелев** поставил спектакль «**Сказки Венского леса**» в филиале **Театра им. Вл. Маяковского** (художник **Михаил Краменко,** художник по костюмам **Мария Данилова,** художник по свету **Андрей Абрамов,** хореограф **Александр Андрияшкин**). Честь и хвала режиссеру, отыскавшему эту пьесу Эдена фон Хорвата и по-настоящему увлекшегося ею: он открыл для большинства новое имя и — главное — непреходящее значение творчества австрийского драматурга, и сделал это скрупулезно, талантливо и по-настоящему театрально. Ведь по сути своей «Сказки Венского леса» — это высокая мелодрама, ставшая в последнее время столь популярной и влекущей для зрителя, близкая и по ощущению неустроенности жизни, и по поиску того, что выгодно, и по экономическому состо-

янию общества. Да что тут греха таить! — и по мещанскому образу жизни, захватившему значительные слои российского населения, когда мысль о заработке и благополучии становится одной из важнейших в то время, как опереточный карнавал царит повсюду...

Если внимательно прочитать обстоятельное предисловие Юрия Архипова к сборнику пьес Хорвата, там обнаружится детальный разбор пьесы (им же, к слову сказать переведенной) и народной пьесы с непременным венским колоритом, и популярных характеров этой пьесы с обязательным ироническим переосмыслением — в первую очередь, это касается образа «доброй венской бабушки», которая и у Хорвата, и в трактовке режиссера предстает совершенно демоническим существом, сознательно пытающимся простудить новорожденного младенца по невысказанной просьбе своего внука Альфреда, и доводящим дело до конца. **Майя Полянская** играет эту роль замечательно: ее озлобленность против своих близких, ее не слишком скрываемая агрессивность находят выход в двух эпизодах — торжествующем танце после смерти ребенка и в проходе с погремушкой в руках, которую привез отец Марианны после примирения с ней своему внуку. А ее дочь, мать Альфреда (**Александра Ровенских**), на всю жизнь запуганная, догадавшаяся, зачем именно понадобилась сыну бабушка, но старательно отгоняющая от себя эту страшную мысль об убийстве, будет спокойно пользоваться опустевшей коляской, доставая из нее картошку и деловито чистя ее, пока бабушка не потребует под диктовку написать письмо Марианне о смерти ребенка. И тихий взрыв ее произойдет тогда только, когда Марианна, бросившись к коляске, выхватит оттуда мешок, из которого посыпятся клубни...

Никита Кобелев подошел к пьесе серьезно, учитывая не только сам текст, но и подробные комментарии и литературоведческие изыскания Юрия Архипова. Но какие-то потери на этом пути оказались неизбежными: так, например, **Сергей Рубеко**, играющий отца Марианны Цауберкенига, в некоторых эпизодах излишне комикует, нарушая ту драматическую линию, что дает целостность спектаклю; к сожалению, несколько обедненной получилась роль Эриха, студента из Касселя, явно настроенного на нацистский лад, хотя этот недостаток, скорее, относится к режиссерской концепции, а с поставленной, несколько упрощенной задачей **Михаил Кремер** справляется вполне. Вряд ли стоило делать упор на акцент девочки Иды (**Дарья Хорошилова**), коль скоро из спектакля практически уходит еврейская тема, хотя актриса убедительно создает образ полудевушки-полуребенка, присутствующего при всех событиях и впитывающей их в свою душу.

Можно отметить и некоторые несуразицы в сцене помолвки Оскара и Марианны, явно затянутой и отчасти «недодуманной» (Валерия появляется в купальнике, но в черных колготках и на каблуках, собираясь нырнуть в Дунай, Цауберкениг приходит к ней на берег в подвернутых брюках, босиком, но почти «при параде»).

Валерия (**Юлия Силаева**) предстает, скорее, не конкретной героиней, а персонажем, присущим «венской комедии», и это оправдано — стареющая женщина, увлекающаяся молодыми мужчинами, она прогоняет Альфреда и буквально силой затягивает в свои объятия Эриха; слегка заигрывает с Ротмистром (**Игорь Марычев** играет сдержанно, с истинным достоинством бывшего военного), но не прочь уловить и состоятельного Мистера (**Юрий Коренев**)... Ее ужас при виде обнаженной Марианны в ресторане приоткрывает не до конца вынутую из нее «пружину морали» и порыв к тем усилиям, которые Валерия приложит, чтобы примирить отца и дочь.

По премьерному спектаклю судя, несколько излишне мягким получился у **Алексея Сергеева** Оскар, гораздо темпераментнее смотрелся мясник Гавличек **Евгения Матвеева**, но хочется надеяться, что спектакль будет расти и обретет необходимый масштаб. Есть претензии и к редактору перевода **Святославу Городецкому**. Известно, что Эден фон Хорват изысканно сочетал в своих пьесах литературный язык с диалектами, клише, присущими более и менее образованным мещанским слоям. Однако вряд ли

Альфред — В. Ковалев, Валерия — Ю. Силаева, Марианна — А. Дьячук

стоило, редактируя мастерский перевод, употреблять такие обороты, режущие слух, как «слушай сюда» и некоторые другие.

Но пора уже сказать и о главных героях, сыгранных **Анастасией Дьячук** (Марианна) и **Вячеславом Ковалевым** (Альфред). Анастасия Дьячук точно соответствует образу, созданному Эденом фон Хорватом: с момента, когда она впервые появляется на сцене, веселая и беззаботная, под звуки вальса **Иоганна Штрауса** (музыкальный ряд вообще простроен в спектакле очень точно), до финала, когда Оскар держит ее в руках, словно куклу со сломанным механизмом, и уносит за сцену, актриса естественно, достоверно проживает драму девушки, решившей противостоять принятым за нее решениям отца. В каждой новой «ипостаси» — влюбившейся неожиданно для себя самой в Альфреда, увиденного за витриной магазина игрушек, в которой она устанавливала скелет, восставшей на отца, матери новорожденного младенца, певички из ресторана, убитой горем матери умершего ребенка, — Анастасия Дьячук живет наполненной жизнью, затягивая в ее течение зрителя. Вячеслав Ковалев порой излишне сдержан, что мешает динамике его внутренних изменений — а они есть в пьесе и выражены даже в тексте ненавязчиво, но вполне отчетливо. Впрочем, в ключевых для его героя моментах Вячеслав Ковалев убедителен.

Не могу поручиться, что спектакль Никиты Кобелева «Сказки Венского леса» станет событием — для нас сегодня характерны события иного рода: скандальные, шокирующие. А здесь для зрителя происходит открытие — нового и всерьез значимого имени, серьезной и не утратившей своей актуальности, а, может быть, и умножившей ее пьесы и, если повезет, желание узнать и другие произведения этого драматурга и прозаика, переведенные достаточно давно на русский язык, но по странной причине не привлекшие внимания театров.

А театр, по мысли Хорвата, обучает не разум, в первую очередь, а душу человека, его сознание и подсознание, а значит, писал он, «театр никогда не исчезнет, потому что люди всегда будут желать учиться в названном смысле...» Только бы не исчезло это желание, как исчезают сегодня многие желания вместе с мечтами и пружинами морали...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото Сергея ПЕТРОВА